

Георгий Чулков. Морская царевна

Источник: "Новелла Серебряного века". Изд-во: Москва, "Терра", 1994.
OCR и вычитка: Александр Белоусенко (belousenko@yahoo.com), 8 ноября 2003.
Оригинал здесь: [Библиотека Александра Белоусенко](#)
Дополнительная правка: В. Есаулов, июль 2004 г.

I

Дом, где я поселился, стоял под скалою, почти отвесной. Наверху росли сосны, молчаливые и недвижные. И лишь в бурю казалось, что они стонут глухо, и тогда ветви их склонялись, изнемогая. А внизу было зеленое море. Во время прилива от моего дома до моря было не более пяти сажен.

Я жил во втором этаже, а в первом жили мои хозяйки – мать и дочь. Матери было лет семьдесят, а дочери лет пятьдесят. Обе были бородаты. Хозяйская дочь напивалась каждый день, и тогда обычно она подымалась наверх и беседовала со мною, утомляя меня странными рассказами.

Старуха уверяла, что она внучка одного знатного и богатого человека, но злые интриганы отняли у нее наследство и титул. Трудно было понять, о чем она говорит.

Иногда старуха спрашивала у меня, не боюсь ли я чего-нибудь.

– Не надо бояться, – говорила она, странно посмеиваясь, – не надо бояться, сударь. У нас здесь тихо и мирно. Правда, изредка бывают ссоры, но все скоро кончается по-хорошему. Рыбаки, знаете ли, народ вспыльчивый, но добродушный в конце концов, уверяю вас...

Я не боялся рыбаков, но старуха внушила мне странную робость. Когда я, возвращаясь вечером домой, находил ее пьяной на лестнице, и она хватала меня за рукав, бормоча что-то несвязное, у меня мучительно сжималось сердце и, войдя к себе в комнату, я дрожащей рукой зажигал свечу, страшась темноты.

И так я жил на берегу моря. По правде сказать, я очень тосковал в те дни. Порою мне казалось, что у меня нет души, что лишь какие-то бледные и слепые цветы живут во мне, благоухая, расцветая и увядая, а того, что свойственно людям – понимания и сознания, – во мне нет.

Я жил, как тростник, колеблемый ветром, вдыхая морскую влагу, греясь на солнце и не смея оторваться от этого илистого берега. Это было мучительно и сладко.

Но пришел час – и все переменялось во мне.

Однажды во время прилива я пошел на пляж, где было казино и по воскресеньям играл маленький оркестр.

Я сел на берегу и стал смотреть на купающихся.

Из кабинки вышел толстый человек с тройною складкою на шее; на нем был полосатый пеньюар; толстяк тяжело дышал, осторожно наступая на гравий. Потом вышли двое юнцов лет по семнадцати; они были в черном трико; и я с удовольствием смотрел на их сильные упругие ноги и на смуглые плечи. Пожилые дамы, в просторных купальных костюмах, спокойные и равнодушные; худенькие девушки, слегка смущенные наготою и взволнованные соленым морским ветром; мальчики и девочки, то шаловливые, то робкие: мне нравилась эта пестрая толпа, среди белых фалез...

Я решил купаться. Когда я, надев трико, выходил из кабинки, пара зеленовато-серых глаз встретилась с моими глазами, и чья-то стройная фигура, закутанная в пеньюар, скользнула мимо меня и скрылась в толпе.

Мне показалось, что где-то я видел эти морские глаза.

Купаясь и плавая, я время от времени смотрел на женщин, которые вереницей стояли вдоль канатов, забавно приседая в воде, жеманничая и громко вскрикивая, когда волна, увенчанная седыми кудрями, обрушивалась на них и покрывала их голову своим зеленым плащом. Среди этих женщин не было той, чьи глаза встретились с моими, когда я был на берегу.

Наконец я увидел ее. Она проплыла мимо меня совсем близко – гибкая и скользкая, как рыба. Я видел прядь рыжих волос, выбившихся из-под чепчика, линию шеи и руку, нежную и тонкую.